

его грубияном. хамом, а я его воспринимала как «enfant terrible»... Хотя в юности и сама плакала от его грубоватых шуток. Помню, когда была на последнем месяце беременности моим старшим сыном Василием, то поправилась килограммов на двадцать. И вот иду как-то по улице, вдруг слышу громогласный возглас Моргунова: «Варле-ей!» Поворачиваюсь, а он: «Что это с тобой?!» Народ, разумеется, тут же начинает меня рассматривать, я — в слезы. Но все-таки я его как-то понимала, хохотала над его шутками и была, наверное, самым благодарным его слушателем.

А Георгий Михайлович Вишин, наоборот, был очень трепетным и нежным человеком, любящим свою семью и животных. Говорили, что он умер в нищете. А с моей точки зрения, это была его жизненная позиция. Он считал, что есть у него квартира маленькая, есть собака любимая, есть деньги небольшие, есть жена, дочка, есть пенсия да по выходным за копейки работа в Театре киноактера на вечерах смеха — ну и хорошо. А что еще нужно человеку? Ему этого вполне хватало. Он еще собак бродячих кормил, кошек, птичек... Ходил без зубов. Все сочувствовали: «Вот у него не было денег даже на то, чтобы вставить зубы». А он отвечал на это: «А зачем мне зубы? Человек рождается без зубов и уходит из жизни без зубов. В бытность свою беззубым младенцем я ел кашу. Став стариком, я тоже ем кашу. А мяса не ем». Это была его жизненная философия. И она мне близка.

Юрий Владимирович Никулин — вообще человек особый. Его не просто все любили, его о-бо-жа-ли. Но он не купался в этом всенародном обожании, а очень многим людям помогал. Мне в том числе. Например, только благодаря его вмешательству я получила квартиру, ситуация с которой пробуксовывала в течение семи лет, хотя все бумаги были подписаны... А вообще-то все они были хохмачами, озорниками, отпускали на съемках шуточки, иногда весьма солонватые. Щекотали меня, пощипывали, тискали, когда я была в мешке или со

связанными руками. Я, конечно, обижалась... Но все равно мы все друг друга очень любили. Я безумно тяжело восприняла все их три ухода из жизни. Так же, как и смерть моего крестного отца в кинематографе Леонида Гайдая, моих других партнеров — Фрунзика Мкртчяна, Михаила Глузского... А с Сашей Демьяненко вообще ужасно получилось. Мы с сыном летели отдыхать. Вдруг стюардесса меня спрашивает: «А что с Демьяненко случилось?» Я оторопела: «Что вы имеете в виду?» — «Как, вы не знаете?! Он же умер». Первое мое желание было закричать: «Разверните самолет обратно»... Тяжело вспоминать.

— *Вы поступили в Театральное училище имени Щукина уже после «Кавказской пленницы», а вскоре и «Вий» вышел на экраны. Вы были уже очень популярной актрисой... Известность вам помогла?*

— Очень мешала. Все время нужно было доказывать, что мой успех был не случайным. А я вообще человек-самоед, крайне самокритичная, в себе сомневающаяся... Мой педагог — замечательный актер и режиссер Юрий Васильевич Катин-Ярцев — мне постоянно говорил: «Наташа, поменьше самоконтроля, поменьше самоседства, все хорошо». Четыре года помогал мне поверить в себя. Я очень благодарна ему за это.

— *С точки зрения вашего освоения профессии все понятно. Но ведь вы в ту пору были юной, красивой студенткой. Как складывалась ваша личная жизнь: вы влюблялись, в вас влюблялись?..*

— В юности я была очень влюбчивой. Могла буквально вспыхнуть, что-то увидев в человеке, и... моментально остыть. А предмет моей влюбленности мог даже не узнать о том, что вчера я была в него влюблена. Я во многом домысливала себе образ избранника. Видимо, искала тот романтический книжный идеал, который у меня сформировался, пока, болея дома, я читала книги. К сожалению, он ни разу не совпал с реальной жизнью, все заканчивалось разочарованием...

В доме Натальи Варлей живут 12 кошек

— *Роман с вашим сокурсником Владимиром Тихоновым, сыном Вячеслава Васильевича Тихонова и Нины Викторовны Мордюковой, — ваша первая любовь?*

— Нет, первая любовь у меня была другая — короткая и, я бы сказала, очень наивная, детская. Но все же это была не влюбленность, а именно любовь — настоящее серьезное чувство. Я говорю о Коле Бурляеве. У нас с ним было очень много общего, мы поженились, но прожили недолго — опыт нашей семейной жизни оказался неудачным. И в то время, когда это стало окончательно ясно, появился в моей жизни Володя — мальчик, который смотрел на меня такими влюбленными глазами, что не ответить на его чувство было просто невозможно. Роман наш начался где-то, наверное, со второго курса и закончился браком. Мне бы не хотелось пересказывать историю моей несостоявшейся жизни с Володей, хотя я считаю, что по большому счету она все равно состоялась, потому что у нас есть сын. Но в тот период для меня сложились непреодолимые обстоятельства. Может, если бы я была более сильным человеком, сумела бы поставить крест на се-

бе, на своих интересах и положить жизнь на то, чтобы вытащить мужа из беды. все было бы по-другому?

— *С такой бедой, как наркотики, справиться очень трудно...*

— Да. Впоследствии мне довелось еще раз столкнуться с аналогичной ситуацией — один из моих крестников тоже был наркоманом. И я точно поняла, что, если человек сам не хочет избавиться от этого недуга, ему ничем невозможно помочь. А Володя не считал это бедой. «Ну и что. — смеялся он, — ну, покуриваю, ну, покалываюсь...» Володя — сын замечательных актеров, но его трагедия как раз в этом и состояла. Во-первых, вечные комплексы от того, что он «артистичный сын», как он сам часто говорил. Плюс зажатость от распространенного мнения о том, что на детях гениев природа отдыхает. Хотя к нему это не имело ни малейшего отношения. Он был талантливым, красивым человеком, с чувством юмора, со всеми данными для того, чтобы стать замечательным артистом... Но не получилось из-за этой болезни. Когда мы женились, я об этой стороне его жизни не знала. Вернее, предполагала что-то, но